

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон
Карр

КЛАДБИЩЕ
В АРЕНДУ

« А З Б У К А »

Расследование ведет Генри Мерривейл

Сэр Генри Мерривейл

Джон Карр

Кладбище в аренду

«Азбука»

1948

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Карр Д. Д.

Кладбище в аренду / Д. Д. Карр — «Азбука», 1948 — (Сэр Генри Мерривейл)

ISBN 978-5-389-32721-4

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». Роман «Кладбище в аренду» продолжает серию о великолепном сэре Генри Мерривейле – обаятельном, эксцентричном, взбалмошном толстяке, ставшем, по признанию критиков, одним из самых неординарных сыщиков в детективной литературе.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-32721-4

© Карр Д. Д., 1948
© Азбука, 1948

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джон Диксон Карр Кладбище в аренду

John Dickson Carr

A GRAVEYARD TO LET

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1949

Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© Е. Н. Скляренко, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Глава первая

Недаром гениальный, хоть и рано покинувший нас О. Генри называл Нью-Йорк Багдадом-в-Подземке. Здесь случаются истории не менее причудливые, чем в «Тысяче и одной ночи», и куда чаще, чем можно было бы предположить.

Возьмем, к примеру, достойное сожаления поведение сэра Генри Мерривейла...

Но давайте прежде познакомимся с нашими героями, жизненные пути которых по прихоти случая пересеклись в упомянутом метрополитене в тот на редкость душный полдень понедельника, шестого июля. Сам сэр Генри Мерривейл – в твидовом кепи и костюме для гольфа, который выглядел эстетическим недоразумением даже без учета внушительной комплекции его владельца, – прибыл в Нью-Йорк на борту «Мавритании».

Столбик термометра застыл на отметке девяносто восемь¹. Линия горизонта нижнего Манхэттена в ослепительном солнечном свете вспучилась на фоне белесого неба, словно вскипающее молоко. К половине третьего, когда лайнер высадил всех пассажиров, сэр Генри уже успел изрядно утомиться от бесконечных фотосессий и интервью. Все это время он рассуждал о международной обстановке с такой непринужденной откровенностью, что у репортеров даже появилось нечто вроде угрызений совести.

– Постойте, сэр! – перебил его один из журналистов. – Вы ведь готовы подтвердить свои слова? Или все это не для печати?

– Ох, сынок! – раздраженно махнул рукой Г. М. – Если я назвал кого-то мерзавцем, значит он и есть мерзавец. Что тут непонятного?

– Послушайте! – простонал фотограф, ерзавший позади камеры, как снайпер в засаде. – Но вы же говорили, что вам нравится наша страна?

Из-под своих огромных очков Г. М. метнул на несчастного такой злобный взгляд, что к получившемуся снимку так и просилась подпись: «Награда за поимку – пять тысяч долларов».

Вдобавок он снял кепи, и его лысина зловеще блестела на солнце. Фотограф снова издал сдавленный стон.

– Послушайте! Я хочу, чтобы ваше лицо выражало радость!

– Так оно и выражает ее, черт возьми!

– Каковы ваши планы, сэр Генри?

– Ну... в ближайшее время, – задумчиво протянул великий человек, – собираюсь навестить одну семью в Вашингтоне.

– Но разве вам не хочется немного задержаться в Нью-Йорке?

– Хотелось бы. – На лице Г. М. промелькнуло выражение, которое главный инспектор Мастерс, оказавшись он поблизости, немедленно распознал бы как смесь ностальгии с дьявольской проказливостью. – С удовольствием бы навестил парочку старых друзей. Может, даже заглянул бы на «Поло Граундс»...²

– «Поло Граундс»? – раздался голос из толпы. – Но вы ведь англичанин!

– Угу.

– И вы разбираетесь в бейсболе?

У Г. М. челюсть отвисла от возмущения. Это было все равно что спросить у покойного Эндрю Карнеги³, знает ли он что-нибудь о публичных библиотеках.

¹ Около 36,7 °С.

² «Поло Граундс» – один из легендарных американских бейсбольных стадионов.

³ Эндрю Карнеги (1835–1919) – американский multimиллионер, известный филантроп, создавший сеть публичных библиотек Карнеги в США и Великобритании.

– Разбираюсь ли я в бейсболе? – взревел он – Разбираюсь ли я в бейсболе?! – Подтянув штаны, он поманил к себе репортеров. – А ну-ка гляньте сюда!

Примерно в то же время один из упомянутых им друзей находился совсем неподалеку (если мерить по прямой) от места, где великий человек раздавал интервью. Мистер Фредерик Мэннинг, основатель фонда, носящего его имя, вошел в головной офис банка «Токен» и спустился в депозитное хранилище.

Он вышел оттуда минут через двадцать, держа в руках внушительно разбухший портфель. Солнечные лучи расчертили нижний Бродвей на яркие квадраты и слепили глаза, отражаясь от желтых и зеленых такси. Мистер Мэннинг задержался на мгновение возле коринфской колонны у парадного входа и раздраженно чертыхнулся. Он принадлежал к тем людям, кожа которых начинает шелушиться, не успев покраснеть, поэтому солнца не выносил.

Фредерику Мэннингу исполнился пятьдесят один год. Он был чуть выше среднего роста, худощав, седовлас, с ярко-голубыми глазами, выражение которых было трудно прочесть. Его считали хорошим бизнесменом, хотя он давно передал финансовые дела своему адвокату. Сам Фредерик Мэннинг был скорее светским человеком, со склонностью к научным штудиям.

– Ладно, – вздохнул он и, выдержав паузу, с выражением продекламировал строфу из Мильтона, заставив вздрогнуть нескольких прохожих. Затем, сохраняя невозмутимость, остановил такси.

Добравшись до своего клуба, расположенного в одном из самых престижных районов города, он пообедал там в одиночестве. В связи с неприятными событиями, которые вскоре должны были развернуться, стоит отметить, что мистер Гилберт Байлз, прокурор округа Нью-Йорк, также являлся членом этого клуба. Пресса называла его не иначе как «наш эlegantный окружной прокурор». Сидя за столиком в противоположном конце зала, он бросил в сторону Мэннинга несколько любопытных взглядов.

Однако Мэннинг, погруженный в свои мысли, по-видимому, даже не заметил старого знакомого. Он едва притронулся к еде и не отрывал взгляда от почтового конверта, на обороте которого записывал в столбик цифры. После некоторого колебания он дважды вывел: «Лос-Анджелес».

– Кофе, сэр? – осведомился официант.

– Недостаточно хорош, – пробурчал Мэннинг и решительно перечеркнул написанное.

– В таком случае позвольте предложить вам что-нибудь другое, сэр?

– А? – рассеянно отозвался Мэннинг и аккуратным почерком написал: «Майами».

– Если вы не хотите кофе...

Фредерик Мэннинг словно очнулся. В голубых глазах на худом розоватом лице, обрамленном серебристыми прядями, вспыхнула прежняя живая искра – та самая, что выдавала в нем незаурядную натуру. Он скомкал конверт и отбросил его в сторону.

– Простите, – произнес он с улыбкой, которую многие считали неотразимой. – Конечно кофе.

Спустя некоторое время Мэннинг уже шагал, обливаясь потом, к «Любар-Билдинг», что на углу Пятьдесят пятой улицы и Медисон-авеню.

Его офисы, занимавшие двадцать второй этаж этого здания, имели всего одну входную дверь. На ее стеклянной панели красовалась скромная табличка с позолоченной надписью: «Фонд Фредерика Мэннинга». Эта табличка вызывала в памяти школу Фредерика Мэннинга – благотворительное учреждение, существующее исключительно на частные пожертвования, – где учеников пытались приобщить к изящным искусствам. По общему мнению, у Мэннинга было две страсти, и одной из них была именно эта школа.

Прохладный кондиционированный воздух в холле подействовал на него умиротворяюще. Он вновь стал тем самым человеком, каким его знали родственники и друзья: собранным, спокойным и сдержанным. Однако неприятности начались, едва он открыл дверь.

– Мистер Мэннинг! – негромко окликнула его женщина средних лет, сидевшая за стойкой администратора, но больше напоминавшая школьную учительницу.

– Да, мисс Винсент?

Мисс Винсент выглядела встревоженной, что было необычно и, по мнению Мэннинга, неуместно для администратора. Не голос или жесты, а именно выражение ее глаз заставило его ускорить шаг и подойти к стойке. Однако он не забыл учтиво снять шляпу.

– Я подумала, что лучше предупредить, – почти прошептала она. – В вашем кабинете вас ждет дочь.

– Которая из них?

– Мисс Джин, сэр. – Мисс Винсент на секунду замялась. – И с ней мистер Дэвис.

Мэннинг, склонившийся к мисс Винсент, резко выпрямился. Она скорее почувствовала, чем увидела его раздражение при упоминании имени Дэвис – и знала, почему это вызвало такую реакцию. Тем не менее взгляд Мэннинга оставался непроницаемым, а голос – предельно спокойным.

– Моя секретарша на месте? – осведомился он.

– Да, мистер Мэннинг.

– Отлично. Благодарю вас.

Слева от него тянулся узкий коридор с ковровой дорожкой, по обе стороны которого располагались двери в небольшие офисы – стеклянные боксы с матовыми перегородками. Все здесь выглядело ультрасовременно и до отстраненности холодно. Мэннинг казался здесь чужим.

Дверь в его кабинет находилась в самом конце коридора. Подходя к ней, он бросил взгляд на пол – и презрительно поджал губы. Мраморный бюст Роберта Браунинга – единственное украшение его кабинета – служил дверным упором, удерживая створку приоткрытой.

Мэннинг, человек, чья ярость проявлялась исключительно в безупречно вежливой сдержанности, легко перешагнул через бюст и с той же подчеркнутой холодностью прикрыл за собой дверь.

– Здравствуй, папа! – раздался голос его младшей дочери – звонкий, но слегка дрожащий.

– Добрый день, сэр, – произнес мистер Хантингтон Дэвис-младший.

Напряженность, царившая в комнате, возникла не с приходом Мэннинга – она была здесь и до него. Но теперь с каждой секундой становилась все ощутимее.

Просторный квадратный кабинет располагался в углу здания, и, хотя в каждой его стене было по окну, из-за опущенных жалюзи в комнате царил полумрак. Мрачная серая мебель, включая массивный диван, выглядела так же аскетично, как блеклый ковер на полу и фотографии в металлических рамках, посвященные школе. Пока Мэннинг неторопливо вешал шляпу и усаживался за свой огромный письменный стол у окна, в кабинете стояла напряженная тишина.

– Папа! – наконец выпалила Джин Мэннинг, не в силах больше сдерживаться.

– Да, дорогая?

– Я хочу спросить тебя. И ты должен мне ответить. Пожалуйста!

– Разумеется, дорогая, – кивнул ее отец, ни разу не удостоив взглядом молодого Дэвиса.

Джин было всего двадцать один, и она была явно расстроена. Она сидела на диване в белом шелковом платье, поджав под себя одну ногу. Хотя Джин была очень хорошенькой – с золотистыми волосами до плеч, уложенными в прическу «паж», – в ней не было той однотипной, безликой красоты, из-за которой многие девушки в наши дни кажутся словно сошедшими со страниц одного и того же глянцевого журнала – прямиком на Пятую авеню.

Джин почти не нуждалась в косметике – возможно, благодаря легкому, но все же заметному загару. Ее голубые глаза смотрели прямо и открыто, хотя в этом взгляде и ощущалась какая-то детская наивность. Заданный ею вопрос человеку постарше наверняка показался бы неуместным.

– Это правда – то, что говорят? – звенящим голосом спросила она. – Что ты... завел шашни с этой ужасной женщиной?

На мгновение Фредерик Мэннинг растерялся.

Посторонний наблюдатель отметил бы: этот вопрос – именно этот – по-настоящему поразило его. Непонятное выражение мелькнуло в его глазах, челюсть напряглась, ноздри раздулись.

– Не считая, – холодно начал он, – выражения «завел шашни», которое я не одобряю, и эпитета «ужасная», который не соответствует действительности...

– О прекрати! – взмолилась Джин и стукнула кулачком по подлокотнику дивана.

– Прекратить что?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я! – Она передернулась, словно по ее голой руке пробежал паук. – Ты... ты ведь ее содержишь?

– Разумеется. Я считаю это уместным в данном случае. Надеюсь, ты не шокирована?

– Нет! Конечно нет! – горячо ответила Джин. Само предположение, что ее можно чем-то шокировать, показалось ей оскорбительным – хотя на самом деле это было не так уж сложно. – Просто... прости, папа, но это выглядит... неприлично. Для человека твоего возраста...

– Ты и правда считаешь меня настолько пожилым, дорогая? – мягко улыбнулся Мэннинг.

– Дело не только в этом! Есть еще... ну... мама!

Мэннинг пробарабанил пальцами по столу.

– Твоя мать, – холодно произнес он, – умерла восемнадцать лет назад. Ты вообще помнишь ее?

– Нет... не помню. Но...

Романтичная Джин, с трудом сдерживая слезы, не замечала, что лицо ее отца стало таким же бледным, как и ее собственное.

– Но ты, – упрямо продолжала Джин, – ты всегда говорил, что боготворил ее. Что души в ней не чаял. – Ее взгляд скользнул по мраморному бюсту у двери. – Что относился к ней, как Роберт Браунинг к Элизабет Баррет, – даже после ее смерти.

Мэннинг прикрыл глаза.

– Джин, – процедил он, – будь добра, не говори «вроде», когда имеешь в виду «как». Это отвратительно.

– Папа! – в отчаянии вскрикнула Джин. – Какая разница, как я это скажу?

Лицо Мэннинга вспыхнуло.

– Ты говоришь, дорогая, на языке Эмерсона и Линкольна, Эдгара По и Натаниэля Готорна. Не унижай его.

– Ох, папа... ты отстал от жизни лет на сто!

– Зато, похоже, чересчур современен, когда речь заходит о мисс Стэнли, не так ли?

– Эта женщина... – вскинулась Джин, но запнулась, безуспешно пытаясь изобразить цинизм и усталость от жизни так, как это умела ее двадцатичетырехлетняя сестра Кристал. – Ох... думаю, и в старину хватало шлюх. – Голос ее дрогнул. – Но ты! Повторяю, папа: ты отстал от жизни на сто лет! Наверное, поэтому твоя школа...

Она резко умолкла, на этот раз уже по другой причине.

– Что там насчет школы? – насторожился Мэннинг. На его висках вздулись синие жилки.

Он уловил, как взгляд дочери скользнул по пухлому черному портфелю, лежавшему на столе, и неспешно убрал его в правый ящик.

– Что с моей школой? – повторил он более жестким тоном.

Джин обернулась в поисках поддержки.

– Дэйв... – жалобно позвала она.

Мистер Хантингтон Дэвис-младший, все это время сидевший в кресле в дальнем углу, прочистил горло и встал.

Из-за опущенных жалюзи кабинет утопал в полумраке, и лица на расстоянии уже теряли четкость, но даже в этом освещении нельзя было не заметить уверенности, с которой держался молодой человек – новоиспеченный партнер старинной брокерской фирмы «Дэвис, Уилмот и Дэвис», принадлежавшей его отцу. В свои тридцать он хорошо знал себе цену. Он подошел к столу Мэннинга, и его безупречно уложенные черные волосы заискрились в узком солнечном луче.

– Могу я сказать пару слов, сэр? – благодушно осведомился он.

– Вне всякого сомнения, – кивнул Мэннинг и посмотрел на него с тем же безразличием, с каким мог бы окинуть взглядом пустой холст.

Улыбка мелькнула на лице Дэвиса. Он был высок и хорошо сложен – к радости своего портного – и питал неподдельную страсть к физическим упражнениям, что Мэннинг, мягко говоря, не одобрял. От солнца кожа молодого человека приобрела бронзовый оттенок, как у индейца, и серые глаза на загорелом лице казались почти бесцветными.

Он непринужденно оперся кулаком о край стола.

– Интересно, мистер Мэннинг, – протянул Дэвис, – о чем вы сейчас думаете?

– Пытаюсь понять, – задумчиво ответил Мэннинг, соединяя кончики пальцев, – почему мы с вами испытываем столь откровенную неприязнь друг к другу.

– Папа! – всплеснула руками Джин.

Дэвис улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами.

– Это несправедливо, мистер Мэннинг, – произнес он серьезно. – И точно не про меня. Вы тоже не можете относиться ко мне плохо.

– Почему вы так в этом уверены?

Не отрывая взгляда от вальяжной фигуры за столом, Дэвис протянул руку к Джин. Та поднялась с дивана и торопливо сжала его ладонь.

– Вот видите, – улыбнулся он, с иронией наморщив лоб. – Вы ведь не возражаете против нашей свадьбы, верно? Вы дали свое согласие, не сказав ни слова поперек.

– Я редко спорю, – заметил Мэннинг. – Это избавляет от лишней суеты. Сестра Джин уже трижды побывала замужем.

– Послушайте, сэр! – воскликнул Дэвис. В его голосе, обычно самоуверенном, прозвучали умоляющие нотки. – Мы с Джин женимся в августе. Это уже становится семейным делом. Я хочу вам помочь! Вы что, мне совсем не доверяете?

– Ни на йоту.

– Но почему? Почему вы меня так не любите?

– Не знаю, мистер Дэвис. Назовите это... инстинктом.

Дэвис коротким жестом отправил Джин обратно на диван. Затем выпрямился и с показной неторопливостью одернул безупречно сшитый синий пиджак, расправляя плечи. Его ослепительная улыбка была столь же нарочитой, как и образ, который он стремился воплотить: образ молодой, преуспевающей Америки.

– Боюсь, мистер Мэннинг, – произнес он тоном строгим, но все еще доброжелательным, словно объяснял что-то упрямому ребенку, – вы не совсем понимаете, в каком положении находитесь. Считайте это предупреждением. Вас могут ждать серьезные неприятности. Что вы на это скажете?

Мэннинг на мгновение поднял на него глаза:

– Только то, молодой человек, что от вашей наглости даже египетская мумия в гробу перевернулась бы.

Дэвис беззаботно пожал плечами.

– Воля ваша, – усмехнулся он. – Хотя, возможно, до вас еще не дошли слухи...

– Какие слухи?

Дэвис проигнорировал вопрос.

– Заметьте, – нахмурившись, продолжил он, – я вовсе не обязан вас предупреждать. Может быть, я и не смогу вам помочь – скорее всего, не смогу. Просто имейте в виду: что бы ни случилось, я останусь на вашей стороне. Другом – несмотря ни на что.

– О каких слухах вы говорите?

Вот он – тот самый момент, к которому Дэвис, похоже, вел с самого начала.

– Что ж, сэр, – сказал он, отведя взгляд. – Скажу прямо: поговаривают, что фонд Фредерика Мэннинга на грани краха. И вы в этом увязли по уши.

В кабинете повисла гнетущая тишина.

Мэннинг медленно поднялся из-за стола. Сквозь щели жалюзи пробился луч солнца, блеснув в его серебряных волосах.

– Вы, молодой человек, – произнес он отчетливо и спокойно, – наглый поросенок.

Хотя голос его звучал негромко, слова били как пощечины.

Сейчас он полностью затмил Дэвиса, превратив того в безвкусно выраженное чучело.

– Это неправда! – воскликнула Джин. – Папа, скажи, это неправда... Все эти разговоры о проблемах?

– Разумеется, нет, – ответил Мэннинг с достоинством. А затем, повернувшись к Дэвису, рявкнул: – Убирайтесь прочь!

И тут в нем произошла резкая перемена – из тех, которые казались необъяснимыми для людей, не знавших ни его сердца, ни его странного чувства юмора. Взгляд, направленный на Дэвиса, смягчился, а в голосе зазвучали почти ласковые нотки.

– Скажите, мистер Дэвис, – промурлыкал он, – сегодняшний вечер у вас свободен?

Онемевший Дэвис только захлопал глазами.

– Если да, – продолжал Мэннинг, – не согласились бы вы приехать к нам в Мараларч на ужин?

– С... с превеликим удовольствием, – выдавил тот.

– Утром я предупредил Джин, а также мою дочь Кристал и сына Боба, что за ужином собираюсь сообщить им нечто важное, – сказал Мэннинг, не сводя с Дэвиса хмурого взгляда. – На ужине будет присутствовать мой адвокат. Вы можете стать шестым гостем. Надеюсь, прибудет и мой седьмой гость – весьма необычный человек...

– Седьмой гость? – переспросил Дэвис, по-прежнему глядя на Мэннинга настороженно. – Не скажете нам, кто он?

– Один из моих старых английских друзей. Его зовут Мерривейл, сэр Генри Мерривейл. Джин всплеснула руками.

– Ох, – простонала она, – только этого нам сейчас и не хватало!

Ее отец нахмурился:

– Я не понимаю тебя, Джин.

Ясные голубые глаза дочери смотрели на него в упор.

– Ты ведь собираешься сказать нам что-то ужасное, правда? Только не отрицай! Я чувствую, что собираешься! Папа, о чем ты хочешь нам рассказать?

Каждому было понятно, кто в этой комнате обладает непререкаемой властью. И все же Мэннинг замялся...

– Это не к спеху, – наконец произнес он. – Если ты была шокирована тем, что уже услышала, вечернее сообщение может оказаться еще более тяжелым.

– Но... сэр Генри Мерривейл! – воскликнула девушка почти рыдающим голосом.

– Дорогая, не понимаю, почему...

– Кристал от него без ума – хоть и заочно. Она вычитала о нем все в «Дебретте»⁴. Родословная длиной с твою руку, а за именем – целый список почетных званий и степеней. Только его нам и не хватало – английского баронета, чопорного и утонченного, с которым будет страшно за столом разговаривать.

– Понятно... – пробормотал ее отец, бросил взгляд на часы – и ахнул. – Господи! Лайнер должен был причалить в два тридцать, а сейчас уже половина четвертого! Одну минуту...

Он снова сел за стол, включил переговорное устройство и соединился с кабинетом своей секретарши:

– Мисс Энгельс!

Голос секретарши дрогнул, выдавая легкую нервозность:

– Да, мистер Мэннинг?

– Мисс Энгельс, радиogramма на «Мавританию» утром ушла?

– Да, сэр.

– Я дал указание Паркеру встретить судно и доставить сюда старину Г. М. – независимо от того, захочет он этого или нет. Что-то пошло не так? Корабль еще не прибыл?

– Прибыл, сэр. Стоит в гавани. Паркер... ну... он звонил пять минут назад. Я... не хотела отвлекать вас по пустякам. Что касается сэра Генри, мистер Паркер не смог к нему пробиться.

– Что значит – «не смог пробиться»?

– Э-э... С ним увязалась целая толпа репортеров. Они все вместе загрузились в кеб и укатили в город. Сейчас они играют в покер в заднем зале бара на Восьмой авеню. Бармен не пустил мистера Паркера внутрь.

– Играют в покер? – переспросила Джин. Что бы она ни говорила раньше, теперь ее симпатии были на стороне старого друга отца. Она вообще отличалась преданностью своим друзьям и даже друзьям друзей. – Бедный наивный англичанин! Они заманили его в ловушку и обдерут как липку! – воскликнула она.

– Успокойся, Джин!.. Да, мисс Энгельс?

В аппарате обратной связи что-то щелкнуло.

– Мистер Паркер подждал его, сидя в аптеке, сэр. Примерно через три четверти часа сэр Генри вышел из бара, рассовывая по карманам пачки денег. Он сказал, что ему срочно нужно в Вашингтон, и, запрыгнув в кеб, крикнул: «Центральный вокзал!»

Тут в разговор вмешался Хантингтон Дэвис, к которому уже вернулась прежняя самоуверенность:

– До Вашингтона он оттуда не уедет. Надо было ехать на Пенсильванский вокзал. Кто-нибудь ему это объяснил?

– Продолжайте, мисс Энгельс.

Голос секретарши стал виноватым:

– Мистер Паркер просил передать извинения, но дальше преследовать сэра Генри он не может. Из аптеки он позвонил своему другу... сейчас, секундочку... – мисс Энгельс, судя по всему, сверялась с записями, – мистеру Саю Нортону.

– Прекрасно! – Мэннинг оживился. – Просто замечательно!

– А кто такой Сай Нортон? – поинтересовалась Джин.

– Сай Нортон восемнадцать лет проработал лондонским корреспондентом «Эха», – ответил отец. – Они с сэром Генри давние знакомые. Я и не знал, что он уже вернулся в Нью-Йорк.

Мэннинг снова повернулся к переговорному аппарату:

– Мистер Нортон уже напал на его след?

– Да, сэр. Он свяжется с нами, как только появятся новости.

– Спасибо, мисс Энгельс. Пока все.

⁴ «Дебретт» – ежегодный справочник дворянства. Издается с 1802 года.

Мэннинг довольно потер руки.

– Но... Центральный вокзал?! – недоуменно воскликнул Дэвис.

– Я уверен, – спокойно заметил Мэннинг, – сэр Генри прекрасно знает, откуда отправляются поезда на Вашингтон.

– Так он что – сумасшедший?

– Вовсе нет. Лучше всего его описывает старое доброе слово – бедокур. Он – бедокур.

– Но...

– Ему вовсе не нужно в Вашингтон! – резко бросил Мэннинг. – Он будет в Мараларче сегодня вечером или – уж как пить дать – завтра утром. У меня в этом нет ни малейших сомнений! Хотя, признаться, интересно, что именно задумал этот старый плут...

Глава вторая

Голоса из десятков громкоговорителей – глухие, скрипучие – разносили по залам Центрального вокзала призрачное эхо:

– Сэр Генри Мерривейл! – (Пауза.) – Пожалуйста, подойдите в кабинет начальника станции. Верхний этаж, у тридцать шестого пути.

Однако старик так и не появился.

Сай Нортон, стоявший у справочного бюро с сигаретой в руке, озирался по сторонам, глядя в немногочисленную толпу.

Восемнадцать лет назад, когда его отправили в Лондон в качестве корреспондента «Эха», он оказался в числе редких трезвомыслящих американцев, которых не привел в восторг собор Святого Павла. Тогда он язвительно написал, что лондонский кафедральный собор подозрительно напоминает нью-йоркский Центральный вокзал – только с акром откидных сидений.

Он вспоминал об этом под гулкое шарканье сотен ног в главном зале верхнего этажа. Столько воспоминаний – и сладких, и горьких – промелькнуло в голове. Но одно, неотступное, вновь и вновь возвращалось: девичье лицо...

– Сэр Генри Мерривейл! Сэр Генри Мерривейл! Пожалуйста, подойдите в кабинет начальника станции, верхний этаж, у тридцать шестого пути! – Громкоговоритель снова прокричал объявление, и оно растворилось в людском гуле.

Сай Нортон, облаченный в поношенный серый фланелевый костюм, купленный еще до войны, и темно-синий галстук, свободно висевший поверх двубортного пиджака, мало походил на кого-то, кого можно было бы легко классифицировать. Он был добродушным по природе и не стыдился этого. В его внешности – длинное лицо с насмешливой, почти сардонической улыбкой, светлая шевелюра, густая и непослушная, – еще оставалось что-то юношеское. Но возраст давал о себе знать: ему перевалило за сорок, и годы не прошли бесследно.

Тем не менее, как бы ни трепала его жизнь, он сохранил живость духа и тот самый юношеский задор. Даже когда несколько недель назад его вежливо выдворили с работы, он воспринял это с философским спокойствием.

«Кажется, – сообщили из Нью-Йорка по телеграфу, – он утратил способность освещать события с американской точки зрения».

«И кто, черт побери, – думал Сай Нортон, – за все эти годы не утратил бы *американскую точку зрения?*» Может, он и вправду стал смотреть на вещи слишком широко – через призму слишком разных стран и культур? Или наоборот – наконец подобрался к настоящей журналистике, в отличие от поспешных политизированных поделок, которые писал раньше. Или... скорее всего...

– Мистер! – Хриплый голос перекрыл шум вокзала и ударил прямо в ухо. – Мистер!

Перед ним резко затормозил чумазый мальчишка лет двенадцати – тот самый, которого Сай завербовал в качестве «агента» за пару монет и льстивое обещание работы как у самого Дика Трэйси⁵.

– Его здесь нет, – не успев отдышаться, сообщил мальчишка и с заговорщическим видом оглянулся по сторонам. – Его вызывали уже пять раз, и теперь больше не будут. Он так и не пришел!

У Сая Нортонна екнуло сердце.

– Плохо, – пробормотал он. – Я был уверен, что он обязательно появится. Очень на это рассчитывал.

– Это почему?

⁵ Дик Трэйси – сыщик, персонаж популярных комиксов и ряда художественных фильмов.

– Он не смог бы устоять перед громкоговорителем. Услышав объявление, он наверняка заявился бы в радиорубку. Хотя бы для того, чтобы самолично обратиться ко всему вокзалу.

– Блин! – выдохнул мальчишка, потрясенный величиим этой мысли. – Откуда вы знаете?

– Потому что, – признался Сай, – мне и самому всегда этого хотелось. Только вот смелости не хватало. Понимаешь, никто бы, конечно, не дал ему продекламировать лимерик⁶ о девушке из Мадраса. Но он бы все равно попытался.

– Мистер, надо его найти!

Взгляд Сая метнулся к светящимся часам над справочным бюро. Было без двадцати пяти четыре.

– Если он не услышал объявление, – задумчиво произнес журналист, – значит либо уже покинул вокзал, либо застрял в одном из этих магазинчиков в галереях. Скорее всего, в книжном...

– Да их тут целая куча! – воскликнул мальчишка. – Пошли!

Махнув рукой, он сорвался с места и понесся в сторону Вандербилт-авеню. Сай Нортон, радуясь, что за последние пятнадцать лет не прибавил ни фунта, бросился за ним.

Ярко освещенные галереи ломались от многоцветного изобилия товаров и ошеломили бы любого лондонца – так же как сейчас ошеломили Сая. Их шаги по мраморному полу гулко отдавались под высокими сводами, пока наконец мальчишка не развернулся у последней галереи и не указал вперед.

Там, чуть левее остальных, прятался еще один маленький книжный магазинчик издательства «Даблдэй». Г. М. там не было, но Сай взгляделся в конец коридора – туда, где находились стеклянные двери метро, – и издал торжествующий вопль.

– Держи, – сказал он, вкладывая в ладонь мальчишки еще один доллар. – Мы это сделали, Дик! Мы его нашли!

И Сай ринулся сквозь одну из стеклянных дверей.

Его обдало теплым, затхлым, тяжелым дыханием подземки. Справа, за восемью турникетами, с новенькими перегородками уныло-зеленого цвета – их поставили, когда проезд подорожал до десяти центов, – начиналась кованая чугунная лестница, ведущая вниз, к поездам, бегавшим между Центральным вокзалом и Таймс-сквер.

Слева, у облицованной белой плиткой стены, притаилась будка обмена валюты с решетчатым окошком. На полу, аккуратно между турникетами и будкой, стоял солидных размеров саквояж «Гладстон», потертый и весь оклеенный старыми дорожными этикетками. На саквояже, скрестив руки на груди, как Наполеон перед отплытием на Святую Елену, восседал сэр Генри Мерривейл.

Против него, упершись кулаками в бока, стоял полицейский.

Потом многие будут говорить: мол, вмешайся Сай Нортон сразу – все могло сложиться иначе. Но Сай и тогда, и позже знал, что ответить: «Коп был не при исполнении. Просто мотоциклист из патрульных – в кожаных штанах и всем прочем. И между прочим, в довольно приличном настроении».

Был. До встречи с Г. М.

– В чем дело, папаша? – бодро спросил он. – Деньги кончились?

Г. М. выпятил живот и, набычившись, глянул на него из-под огромных очков – от такого взгляда скисает молоко.

– Разумеется, деньги у меня есть, – огрызнулся он и, пошарив в карманах, высыпал на ладонь горсть мелочи. На подушечке одного пальца балансировала монета в десять центов, на другом – пятак. – Но вот уже пятьдесят лет, черт побери, – сказал он, вглядываясь попеременно то в одну монету, то в другую, – я не могу понять, почему маленькая дороже большой.

⁶ Лимерик – пятистишие абсурдистского содержания.

– Что?

– Не бери в голову, сынок. Просто размышляю.

Статный молодой полицейский, на котором форма сидела как влитая, подошел поближе, слегка прищурившись:

– Папаша, вы кто?

– Я старый человек, – ответил Г. М., ссыпал мелочь в карман и стукнул себя по груди. –

И между прочим, зол. Я достаточно хорош... и достаточно зол.

– Нет, я к тому... Вы ведь вроде как англичанин?

– Что значит – «вроде как»? Я, черт побери, настоящий англичанин! – взорвался Г. М.

– Но говорите вы как американец. – Полисмен нахмурился, будто вдруг подцепил какую-то мысль на крючок. – Пойдите-ка... Вы говорите точь-в-точь как Уинстон Черчилль! Точно. Он ведь тоже говорит как американец. Я слышал его по радио. Хотя, признаться, – неосторожно добавил он, – в каком-то смысле он и есть американец.

Лицо Г. М. налилось кровью.

– Послушайте, папаша, – полицейский продолжал почти ласково, – чего вы расселись на чемодане? И что вас так разозлило?

Ценой нечеловеческих усилий Г. М. удалось взять себя в руки. Первые звуки, сорвавшиеся с его губ, напоминали хриплое карканье со дна старого погреба, но это длилось недолго. Он выпрямился, надулся и приобрел довольно устрашающий вид.

– Я хочу сделать заявление, сынок, – торжественно объявил он.

– О'кей, валяйте.

– Я хочу заявить, – сказал Г. М., поднимая палец, – что ваше метро – которое, по-хорошему, следовало бы называть подземкой – самое отвратительное из всех, что я видел за свою долгую жизнь.

Полисмен, хоть и добряк по натуре, был задет за живое. Родом из Бронкса, к тому же крещенный как Алоизиус Джон О'Кейси, он сразу же почувствовал, как в груди закипает гнев.

– И чем же оно вам не угодило? – процедил он.

– Ох, сынок... – Г. М. устало махнул рукой.

– Я спрашиваю, папаша: что с ним не так?

Сай Нортон, наблюдавший со стороны, надвинув на глаза шляпу, чтобы скрыть усмешку, мысленно признал: вопрос был вполне уместным. Вокзал еще не захлестнула толпа, и только редкие одинокие пассажиры торопливо проскакивали сквозь лязгающие турникеты к лестнице. Возле обменной будки лежала брошенная рабочими катушка веревки. В глубине туннеля мигали красные и белые огоньки. Промчался поезд, загудели рельсы.

– Что не так с этим метро, папаша?

– Я прихожу сюда, – начал Г. М. с деланой размеренностью, – опускаю свой десятицентовик в щель, прохожу через турникет, сажусь в поезд – все чин чинном.

– Ну?

– Доезжаю до первой станции. Читаю: «Таймс-сквер». Отлично. Потом гляжу в окно на следующей – написано: «Центральный вокзал». Думаю: «Ешкин кот, это ж сколько путаницы, если у двух станций одинаковые названия!» Поезд едет дальше, я выхожу, и чтоб мне провалиться, если это не снова «Таймс-сквер»! А следующая – опять «Центральный вокзал»!

Голос офицера О'Кейси внезапно стал мягким, почти бархатным:

– Послушайте, папаша. Это шаттл. Он просто курсирует отсюда до «Таймс-сквер» и обратно. Все.

– Именно это я и имею в виду, – кивнул Г. М. с мрачным удовлетворением.

– Что именно?

– Какой, во имя Исава, толк от метро, у которого всего две остановки?

– Но от «Таймс-сквер» можно добраться куда угодно! Это же удобно, понимаете? –
Офицер О'Кейси сглотнул и лихорадочно продолжил: – Послушайте, папаша, вы куда хотите
добраться?

– В Вашингтон. Округ Колумбия.

– Но... вы не можете доехать до Вашингтона на метро!

Г. М. величественно вытянул руку в сторону входа и продемонстрировал оскорбительный жест.

– Теперь ты понял, что я имею в виду? – ласково осведомился он.

Наступила убийственная пауза.

– Вы пьяны, – наконец выдавил полисмен. – Мне следовало бы вас арестовать.

– Видишь эти турникеты? – Г. М. сузил глаза и усмехнулся.

– Вижу. И что?

– Я их заколдовал. Только что. Вуду, сынок. Старинное заклятие.

Его лицо излучало торжествующее безумие.

– Спорим, я пройду через любой из них, не заплатив ни медяка?

– А теперь послушайте меня, папаша...

– Хо! Думаешь, я шучу?

Г. М. величественно поднялся, и твидовые брюки-гольф опасно натянулись на его выпуклом животе. Подойдя к ближайшему турникету, он плавно, как балетный танцор, поднял обе руки и с неожиданной грацией толкнул перегородку животом.

С лязгом она поддалась.

Г. М. протиснулся внутрь.

– Вы должны вернуться! – взревел офицер О'Кейси.

– Разумеется, – невозмутимо согласился сэр Генри. Он степенно развернулся и отправился обратно, но лишь затем, чтобы ловко проскочить через следующий турникет – опять-таки без всякой оплаты.

– Вуду, – объяснил он с застенчивой усмешкой.

Офицер О'Кейси пару секунд сверлил его взглядом, а потом бросился на турникет, как разъяренный бык. Но железные створки даже не шелохнулись.

– Видишь ли, сынок, – сочувственно заметил Г. М., – без заклятия вуду тебе не пройти. И боюсь, – он кивнул в сторону обменной будки, – малого, что сидит в киоске, может хватить удар.

Как тут же убедился О'Кейси, это было правдой: кассир за решеткой бормотал что-то невнятное и выглядел порядком ошеломленным.

– Что, черт возьми, у вас там происходит? – завопил он.

Великий человек не удостоил его даже взглядом.

– Повторяю еще раз, – терпеливо пророкотал он, – все турникеты заколдованы. Без волшебных слов бесплатно не пройти.

На лице офицера снова промелькнула тень сомнения. Его револьвер тридцать восьмого калибра нервно дрогнул у бедра. Но любопытство пересилило приверженность закону.

– Послушайте, папаша, – сказал он уже тише. – Провалиться мне на месте, если это не розыгрыш. Ну ладно... Какие там слова?

– «Фокус-покус, – тут же отозвался Г. М. – Аллагазам. Робин Гуд и холодная сталь». Вот и все.

– Но я не могу это произнести!

– Почему?

– Не знаю, – признался полисмен, краснея. – Это звучит глупо. Это звучит... – Он осекся, но вдруг изменился в лице. – Фокус-покус! – крикнул он, тыча пальцем в турникет. – Аллагазам! Робин Гуд и холодная сталь!

О'Кейси ринулся вперед, и створка неожиданно поддалась так легко, что он чуть не покатился кубарем вниз по лестнице.

Того, что произошло дальше, не ожидали ни офицер О'Кейси, ни сэр Генри Мерривейл.

Оглушительный гром аплодисментов, перемежаемый восторженными воплями, прокатился по мрачному подземелью, гулко отражаясь от каменных сводов. Офицер О'Кейси совсем забыл о толпе, которая, словно по волшебству, возникала при малейших признаках чего-то необычного. Люди хлынули по аркаде из Центрального вокзала, а также через два других выхода на станцию.

Офицер О'Кейси покраснел как свекла. Однако Г. М., которого даже злейший враг не мог бы упрекнуть в застенчивости, держался с достоинством Наполеона при Аустерлице и отвесил настолько глубокий поклон, насколько позволяло его телосложение. Он даже успел пройтись туда-обратно через парочку турникетов, прежде чем полисмен схватил его за шиворот.

– Назад! – заорал офицер О'Кейси. – Все назад!

Он был при оружии, и толпа послушно отступила.

– Джейк! – крикнул он юнцу чахоточного вида, сидевшему в обменной будке. Тот выскочил наружу, не забыв запереть за собой дверь. – Посмотри, Джейк! С этими турникетами что-то неладно.

– Да говорю вам, – горячо запротестовал Джейк, – с ними все в порядке! Люди весь день через них ходили – вы сами видели!

– Это вуду, вот и все, – вмешался Г. М.

– Вы бы лучше помолчали, папаша. Джейк, видишь у кафельной стены моток веревки? Привяжи один конец к своей решетке, а другой – к железному столбику у крайнего турникета. Никто здесь не пройдет, пока... Давай, живо!

Глядя остекленевшим взглядом на то, как натягивается веревка, офицер О'Кейси почувствовал, что начинает терять рассудок.

– Послушай, сынок, – примирительно заговорил Г. М. – Просто взгляни правде в глаза. Зная волшебные слова, ты можешь бесплатно кататься на метро. Не нужно ни под турникетами ползать, ни через них лезть.

К несчастью, его зычный бас – или, по крайней мере, часть произнесенного – донесся до возбужденной толпы. Оттуда, словно взрывы петард, раздались возгласы:

– Что они там творят?

– Разве не слышали? Станция заколдована!

– Вы сможете бесплатно проехать, – громко и отчетливо объяснял чей-то голос, – если просто перелезете через турникет... или проползете под ним.

Толпа вздрогнула, как от удара током. Хотя сначала это заявление встретили свистом и улюлюканьем, весть разлеталась стремительно.

– Уверяю вас, сэр, – повторил тщедушный человечек, честно передав все, что, как ему показалось, он услышал, – вы получите право на бесплатный проезд!

– Святая правда! – поддакнул коммивояжер, который отчаянно хотел выбраться из давки. – Это все психологический эксперимент!

– И все, что нужно, – перелезть через турникет?

– Да!

– Тогда чего же мы ждем? Вперед!

И толпа, скапливающаяся с двух сторон, ринулась вперед.

Бывают сцены, которые летописец – сколь бы ни была велика его приверженность истине – предпочел бы скрыть под покровом умолчания. Впрочем, и установленных фактов здесь – считанные крупинки.

Но это был не просто натиск – это был девятый вал. Веревка лопнула, вырвав решетку из окошка будки с лязгом, похожим на удар гонга перед первым раундом. Позже так и не

удалось выяснить, кто начал драку, – ясно только, что уже в первые секунды сцепившиеся тела покатались по лестнице.

Нет сомнений, что кто-то нырнул в разбитое окно будки и начал сгрэбать деньги. Видно было только пару ног в синих джинсах – по ним с яростью лупила зонтиком какая-то пожилая дама. Офицера О’Кейси отшвырнуло в сторону – он споткнулся о сумку Г. М. и, оглушенный, остался лежать на полу. Сэр Генри Мерривейл, по его же словам, вел себя образцово: стоял в стороне, никому не мешая.

Вдруг из гудящей клубящейся толпы высунулась жилистая рука и схватила его за локоть. Из-под мятой фетровой шляпы блеснули зеленые глаза Сая Нортон.

– Поторопитесь! – сказал он.

– Ешкин кот! – проревел Г. М., перекрывая гомон. – Сынок, я и не знал, что ты здесь!

– А я знаю, где вы будете через десять минут, сэр! – крикнул Сай. – В кутузке. И пробудете там тридцать суток!

– Там же осталась моя дорожная сумка! – возмутился потенциальный узник, которого бесцеремонно волокли вперед. – И мое ценное кепи!

– Заберем потом. Вперед, к аркаде!

Пригнув головы, они устремились сквозь толпу к галерее, словно двойной таран.

Там клубилась еще одна толпа – к счастью, на этот раз из праздных зевак. Смешаться с ней оказалось довольно просто, но Сай, заметив парочку полисменов, стремительно направляющихся к эпицентру беспорядка, предпочел нырнуть в ближайшую аптеку с удобным выходом.

Несмотря на очередь у автомата с газировкой, в аптеке царил тишина. Подавив естественное сочувствие, Сай постарался утихомирить великого человека.

– Послушайте, – сурово сказал он, – документы и ценности – паспорт, кредитка, все такое – при вас?

Г. М. многозначительно похлопал себя по нагрудному карману.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.